

Amara Void

Тени Измерений

18+

AMARA VOID

ТЕНИ ИЗМЕРЕНИЙ

<https://litres.ru/74013934>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мара — носительница врожденного дефекта. С детства она видит то, что скрыто от человеческих глаз. Но в мире, где тонкая кожа интуиции соприкасается с жесткой реальностью, вещи сны превращаются в минные поля, а знаки на билбордах становятся ловушками для разума. Это история о попытке выключить бесконечный белый шум. Путешествие сквозь бездну Изнанки, где привычная реальность рассыпается на пиксели, а каждый шаг ведет к износу аватара. Но можно ли перезагрузить систему, если ты сама — её главный критический баг?

Содержание

НАЧАЛО	4
ПРОЛОГ	7
ГДЕ ХОЛОДНО	9
НАЧАЛО	22
ВКУС ПУСТОТЫ	34
ВЯЗКИ И ТЕНИ	42
ВАТНОЕ ЦАРСТВО	46
СИГНАЛ ИЗ ТЕМНОТЫ	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

AMARA VOID ТЕНИ ИЗМЕРЕНИЙ

НАЧАЛО

ОТ АВТОРА — — —

**ВНИМАНИЕ! КНИГА ПРЕДНАЗНАЧЕНА ДЛЯ
ЛИЦ СТАРШЕ 18 ЛЕТ**

Официальное предупреждение: Данное произведение является объектом литературы и искусства. Описание пограничных психологических состояний и переживание глубоких внутренних кризисов являются неотъемлемой частью художественного замысла. Цель проекта — радикальное осуждение деградации личности и фиксация пути преодоления кризиса.

ПАСПОРТ ПРОЕКТА: «ТЕНИ ИЗМЕРЕНИЙ» (Редакция 2026)

1. Автор: Амара Войд

2. Концепция: Исповедальная сюрреалистическая проза о внутренней деформации, распаде восприятия и попытке собрать личность заново. Пограничные состояния растворены в системе мистических образов, техногенного Зазеркалья и символического повествования.

3. Суть исследования: В основе произведения — исследование природы саморазрушения, иллюзий и утраты человеческой целостности.

Автор: Амара Войд. 2026. Все права защищены.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МАНИФЕСТ

Амара Войд — не писатель. Она не училась владеть словом — она училась выживать. Этот текст написан не пером — а силой выживания. Это исповедь. Чистое искусство.

Рукопись сохранила первозданный нерв. Она подается как есть — в сыром виде, как анатомия распада земной оболочки. Это путь через тьму к свету, который невозможно отдать на аутсорс. Эту историю можно только прожить и зафиксировать так — как под силу автору.

Осторожно: после этой истории сознание не останется прежним.

ПРОЛОГ

Мара выжила. Хотя в какой-то момент это казалось самой глупой затеей.

Слишком долго её сознание болталось в межмирье, где привычное понятие «жизнь» рассыпается на мелкие осколки. Высокое напряжение плавало астральные узлы, оставляя в голове лишь глухой, монотонный шум.

Сначала это казалось игрой. Потом — единственной реальностью. А после — захлопнувшейся ловушкой, где разум капитулирует перед мороком Изнанки.

Выход оставался один: тотальная трансформация духа.

Мара не изучала это по глянцевым обложкам или фильмам с хэппи-эндом. Она прошла сквозь точку абсолютного распада и, преодолев ад, по кусочкам выстроила новую версию себя на руинах прежней жизни.

Однажды посмотрела в зеркало. Там не отражался человек — только пустота, обрамленная знакомыми чертами лица.

Эта книга — не об искусственных иллюзиях. Это история о рождении личности в условиях, не предназначенных для жизни. В вечном ознобе, под аккомпанемент бесконечного гула в черепной коробке, который настойчиво повторял одно: «Финал трансляции».

Но Мара не сдалась. Она вытаскивала себя сама. В абсо-

лютой тишине и темноте, где нет одобрения, аплодисментов и спасителей с добрыми глазами. Был только холодный сквозняк Изнанки и выбор: остаться на дне или начать слепое восхождение.

Расскажет всё. Без фильтров и дешевой романтики. Будет больно, местами — невыносимо стыдно. Но честно — так бывает только перед лицом абсолютной пустоты, в которой стерты все прошлые законы материального мира.

ГДЕ ХОЛОДНО

Холод пробрался внутрь задолго до того, как стал единственным убежищем.

Мара росла девочкой, которая всегда оставалась «не такой». Лишний элемент в формуле неполной семьи. Там, где полагалось быть теплу, гуляли сквозняки чужого безразличия. Она искала опору во взрослых, но видела лишь отражение собственных страхов. Когда в доме нет фундамента — учишься строить замки из тумана.

Одиночество стало её первым тотемом. Оно не было тихим, оно выло в голове сотней вопросов, на которые никто не собирался отвечать: нелюбимая, неслышанная, пустая.

А потом открылся вход в Изнанку — без лица, но со вкусом абсолютной отчужденности. Смертный морок не просто заполнил вакуум, он выстроил вокруг Мары новую реальность. Это была иллюзия, где холод отступал, уступая место тяжелому, свинцовому воздуху. На долгие годы она обменяла свой дар на этот неподвижный кокон из белого шума.

Но именно там, где когда-то царил мрак, она впервые столкнулась с собой настоящей. Без масок и социальных ролей, с обнаженными до костей нервами. Встретилась со своими страхами, звенящей пустотой и, внезапно, со своей силой.

Прошла через тотальный стыд, липкий, парализующий ужас и падение, после которого обычно не поднимаются.

Но она выжила и сумела сохранить единственное, что нельзя украсть, — внутреннее достоинство. Шаг за шагом, будто собирая разбитую вазу в технике кинцуги, Мара возвращала себе целостность.

Теперь она свободна. И это не метафора из дешевых манифестов, это свобода по-настоящему.

Свобода от белого шума, который годами держал за горло и шептал: «Без меня ты просто пустая оболочка». Свобода от ярлыков «слабачки» и «безнадежной».

Теперь Мара — не отражение в чужих глазах. Теперь она — Есть.

Демоны больше не сидят за рулем. Кто-то замолчал, признав поражение, а кто-то стал прирученным. Теперь они просто ворчат на заднем сиденье, не имея доступа к управлению. Сознание стало прозрачным — не идеальным, а свежим, как воздух сразу после тяжелой грозы.

В этой безмолвной тишине пульсирует её настоящая природа, чистый разум, который больше не забивают помехи.

И эта свобода — лучшее, что с ней случилось. Не новый мужчина и не внезапная удача, а просто утро без жгучего стыда. Зеркало, в котором больше нет пустоты. День, прожитый без предательства самой себя.

Вернулась из прошлого, из разъедающего омута фальшивых иллюзий. Приняла всё — каждый шрам и каждую ошиб-

ку. Не сдалась. И теперь она здесь не для того, чтобы проповедовать. Она здесь как человек, который делится силой. Именно в этой точке — на грани хаоса и абсолютной честности — начинается её настоящая дорога к свету.

ХРОНИКА ЛОПНУВШИХ ЦЕПЕЙ

Мара — из тех женщин, чье появление физически меняет температуру в комнате. Градус падает. Пространство замирает. Она не пытается нравиться. В мире фальшивых улыбок её ледяное безразличие режет наотмашь.

Она не суетится. Взгляд стальной, пугающе чистый. Он не скользит по поверхности — он считывает изнанку, выжигая ложь на вдохе.

Хрупкая фигура. Внутри — натянутая железная струна. Всё в ней кричит без единого звука: зазеркальный морок не смог стереть моё «я».

На ней нет ничего лишнего. Простые джинсы, майка. Мара не прячется за брендами. Её кожа — карта перерождений. Татуировки здесь не для красоты. Это метки лопнувших цепей. Хроника того, как дух избавлялся от мертвой плоти.

Женщины смотрят на неё с настороженным восхищением. В глазах один немой вопрос:

«Как она справилась?»

Мужчины теряются. Одни видят объект желания, другие — смертельную опасность.

Равнодушных нет.

В Маре живет грубая, нервная, почти невыносимая правда.

Финальная честность, не нуждающаяся в одобрении.

Ошибется тот, кто увидит в ней просто эффектную женщину. Обыватель всегда недооценивает масштаб бури, которая идет за ней по пятам.

"Дно, это фундамент. Просто не все умеют строить"

Амара

ПОЛУРАСПАД

Мысли — липкие, как масляная краска на стенах подъездов её юности. Она всё ещё ведёт бесконечный диалог с бездной. Без героических поз.

Просто женщина, которая раз за разом спотыкалась на финише, превращая жизнь в узел старых наушников. Проще выбросить, чем распутать.

Внутри слишком много сломанных механизмов. Клея не существует. Не потому, что она не хочет себя починить, а потому, что вера в «чистый лист» стерлась.

Сколько раз звучало это сакральное: «В последний раз»? А потом — новый круг, изматывающий, с оплавленной оп-

тикой и куском живой плоти, вырванным белым шумом.

Вопреки биологии и логике, Мара жива. Стоит на обломках, с усталостью в костях и полураспадом чувств. Внутри тлеет крошечный, злой огонек, остаток врожденного кода, который отказывается стираться. Это единственное, что не дает сознанию окончательно уйти в темноту.

У неё двое детей. Здоровых. Красивых. Её личная победа, возвращение к настоящей жизни вопреки всем прошлым диагнозам. Когда-то врачи ставили на её будущем крест. Но жизнь подставляла ладони там, где падение казалось неизбежным. Дети приходили как спасательные круги. Оба раза — на грани. Их смех — не просто удача. Это шанс, который дается единицам, чтобы не забыть дорогу домой.

Она прошла через всё: сожженную молодость, роскошь и нищету, потери и возвращения. Найти себя, казалось, невозможно. Но она нашла. Нашупала вектор, осталась настоящей и, наконец, стала видимой для самой себя.

Эта книга — её третьи роды. Такие же долгие, болезненные и изматывающие. Но в итоге — жизнь.

Долгие годы сбоев на критических оборотах. Мара мерила жизнь не переменами года, а циклами распада. И вот уже четыре года — абсолютная, звенящая тишина. Чистота.

Без кокетливого «чуть-чуть по праздникам», без самообмана — главной валюты в её внутреннем казино. Она обредела якоря резко и беспощадно, как срезают сожженные волосы. Не потому, что стало легко. А потому, что альтернати-

ва была очевидной: распад.

Медленный, гниющий морок или полное растворение в бездне.

Реальность вывернулась наизнанку. Сознание, бывшее свалкой астрального тумана, внезапно стало Домом. Вещи сны обрели четкость, перестав быть кошмаром, и превратились в рабочий инструмент. То, что раньше казалось глухим шумом Изнанки, теперь её стальная опора.

Йога — практика, вернувшая контроль над телом через осознанное заземление. Физическая боль на гвоздях Садху — вместо прежних форсированных режимов. Чистое дыхание — самый естественный ресурс. Аскезы и медитации вместо жалости к себе. Движение — когда нужно вытряхнуть лишний сор из головы.

Она не просто сменила привычки. Она пересобрала личность. Старая Мара никуда не делась — она легла в основание, став тем самым бетонным фундаментом на дне.

Каждое утро — осознанный выбор. Каждый вечер — тихая благодарность за то, что зеркало не врет. Чистое сознание оказалось самой дорогой свободой. Ни один белый шум, сколько бы суррогатного тепла он ни обещал, не сравнится с этой пронзительной ясностью.

Говорят: «бывших не бывает». Мара смотрит на мир стальными глазами и знает: это ложь. Дефект — не приговор. Это просто чертовски длинный путь через ад.

Если есть вход, значит есть и выход. И она — тому живое

доказательство.

Лежала на дне. Оно оказалось холодным и твердым. Не илистое болото, из которого можно выплыть, а бетонный мешок без лестниц.

К сорока годам пришла математически выверенная формула безнадежности.

Внутри, под ребрами, где раньше билось сердце, теперь сидел Демон. Он не кричал — лениво цедил слова, развалившись в пустоте грудной клетки. Напоминал, что Маре уже сорок, и это финал. Прими это! «Сознание в тисках, узел затянут намертво. Сколько было этих «финальных циклов»? Не было их. Ты снова здесь. Ты — дефектный файл. Смирись, подкрась губы и погнали на следующий круг. Нам еще есть что сжечь.

Но был и другой голос. Тонкий, как нить паутины: шёпот о невозможности продолжать, требование разорвать зазеркальный контракт.

Она смотрела вокруг. Люди, которых она называла друзьями, теперь виделись без фильтров. Её врожденный Дар наконец-то считал истинные частоты: это были пустые оболочки, выведенные белым шумом. Разговоры по кругу, как слепые лошади на мельнице. Существа, чья вселенная ограничена краем пластикового шва.

Бытовое общество вызывало рвотную судорогу. Ипотеки, Турция, цены на обои и стерильная ложь о счастье. Мара поняла: она в вакууме. Одна на дне, откуда не всплывают. По-

верхность больше не манила. Мечты сгнили.

Жизнь потеряла вкус, оставив лишь привкус горечи во рту. Белый шум больше не давал резонанса. Он стал тяжелой, грязной обыденностью. Старая реальность жала, как тесная обувь, а новая — исправленная — зияла такой пустотой, что в ней можно было оглохнуть.

«Кто все эти люди? Мне одиноко в мире, где нет ничего живого. Только я и мой Демон».

ГРАВИТАЦИЯ И МЕТКИ

В точке абсолютного нуля — когда Мара приняла решение вернуть себе истинную природу и окончательно отключить удушливый зазеркальный морок — начали проявляться знаки. Гравитация дна была готова раздавить её — превратить в серую пыль. Но именно это решение создало трещину в плотной завесе — и Мироздание начало подавать сигналы, пробиваясь сквозь бетон повседневности.

Это началось с числа 444

Знак прошёл плотную ткань реальности, как древнее заклинание, пробуждающее застывшее время. Сначала — случайный номер на авто. Потом — навязчивый ритм неисправного уличного фонаря, который отстукивал морзянку прямо

в висок. Вселенная больше не шептала — она была током по оголенным проводам сознания: кассовые чеки, рекламные щиты, экран смартфона, замерший на 4:44, количество лайков на рилсах.

Цифра стала тенью — сакральным шифром, на котором Мироздание вело свою безмолвную навигацию.

Для тех, кто верит в случайности, это был бы просто шум. Но Мара почувствовала резонанс. Она начала разгадывать этот шифр через древние системы исчислений — как жрец, принимающий послания забытых Богов.

Из общего хаоса Изнанки начали проступать контуры её новой внутренней силы. Это были координаты выхода из лабиринта, в который она сама себя заперла.

Бронированный тыл. Знак того, что кураторы выставили оцепление. Божественная защита в мире, где искры нейронов бьют на поражение. Подтверждение: Вселенная одобряет чистоту сигнала — теперь импульсы похожи на разряд, но это импульсы штурма. Число-детонатор.

Приказ прекратить рефлексию — Мироздание уже прочертило маршрут, и Маре оставалось только сделать решительный шаг.

444 стали гарантией: Знаки больше не шепчут — они ведут. Мара оказалась под прицелом Высших Сил, и права на ошибку больше не было.

СОН ПЕТЛЯ

Когда цифры разместили коридор, начала видеть сон.

Мистер Икс. Персонаж из глянцевого зазеркалья.

Мара никогда не была фанаткой идолов — поклонение кумирам она считала признаком ментальной нищеты. Но Он вызывал странный резонанс. Харизматичный, «её формат». Что-то из глубины отзывалось в истерзанной душе.

Картинка прокручивалась с хирургической четкостью. Они входят в дом. Он обнимает ее одной рукой за шею — прижимая к себе так, что сопротивление становится бесполезным. Воздух искрит — живое, осязаемое электричество. Ступени. Дверь слева. Спальня с большой кроватью, светлое покрывало, на котором лежит дорожная, кожаная сумка. Его реальная жена молча и буднично пакует вещи.

Мара во сне чувствует укол совести — холодный, как сталь скальпеля. Она говорит ему прямо в лицо: «Нет. Женатый мужчина-табу. Я ухожу».

Он останавливает её взглядом. В нем — та самая гравитация, против которой нет приема. Эта хватка не выпускает, диктуя свои правила. Его присутствие замыкает пространство вокруг неё: «Стой. Она нам не мешает. Уже уходит. Правда?»

Жена послушно кивает, застегивает молнию и берет за руку ребенка. Такси уже ждет.

Они исчезают в тумане, а Мара проходит в гостиную. Там случается детонация. Он целует и ее накрывает волной. Это не фанатский визг. Это запредельное ощущение ДОМА. Финал долгого скитания по пустыне. Её частота. Родная Душа. Мара просыпалась в холодном поту.

Сон преследовал, затирая границы реальности. Разум судорожно пытался выдать логичный ответ: мол, это просто экранный образ, подсунутый вспышками новостей. Решила устроить жесткую зачистку. Вырезала Мистера Икс из мыслей, как злокачественную опухоль. Удалила подписки, стерла все цифровые следы. Возвела глухую стену между собой и его глянцевым миром.

Она методично блокировала каналы, по которым этот образ мог просочиться в её сознание.

— Что за навязчивая трансляция? — шептала она.

Сон продолжал крутиться в самом ядре её существа. Кто-то стримил этот морок напрямую. Осознала: это не случайная игра воображения. Это был Звонок. И на него придется ответить, даже если линия связи проходит сквозь самую глухую темень Астрала.

Со временем видения меняли декорации, а детали становились пугающе четкими. Бодрствование превратилось в проверку знаков. То, что она видела ночью, через короткое время в точности проявлялось у него в реальности. Локации, вещи, события.

Вскоре подгрузилась функция. Каждую ночь перед сном

— в голове включался чужой голос. Он вещал рифмами. Ей приходилось записывать текст под диктовку. Новая способность. Странная, пугающая — но работающая безотказно. Об этом она расскажет позже.

Сны никогда не были развлечением — это сакральные сводки, которые она научилась читать, как древние шифры. Видения про Мистера Икс — транслируемые в сознание на репите — больше не позволяли оставаться зрителем.

Сюжет требовал выхода в реальный мир.

Особого притяжения к этому персонажу она не испытывала. Глядя на экран, Мара лишь фиксировала: харизма глубокая, подача точная — и на этом всё. Его творчество когда-то задело пару струн в её душе, откликаясь знакомым мотивом, но не более.

Очередное пробуждение после того самого сна. После которого реальность кажется пресной подделкой. Мара на автомате тянется к гаджету. Пальцы сами вводят имя в поиске. Она замирает. Экран выплескивает официальный некролог брака. Развод. Семья — казавшаяся монолитом из глянца — рассыпалась на глазах миллионов подписчиков.

— Неужели это происходит?.. — выдохнула в пустоту. Шок смешался с лихорадочным восторгом. В этот момент она кожей почувствовала: Вселенная не просто подает знаки — она ставит перед фактом, который глупо игнорировать.

Внутри, на самой дальней полке сознания, ожила мечта, пылившаяся там годами — Написать Книгу. Мара поняла:

это шанс. Не просто зафиксировать события — а показать на собственном примере, как земная оболочка, рассыпавшаяся на осколки, способна собраться заново. Доказать, что путь к свету существует — даже когда дно бездны кажется окончательным финалом.

Сон сошелся с реальностью до миллиметра. Мара сделала первый за долгое время глубокий вдох. Чистый воздух обжег легкие: пора выходить из сумрака.

Ей двигало желание поделиться опытом — зафиксировать личную веру в невозможное, которая удержала дух, когда горький зазеркальный морок казался вечным. Математика безупречна: эта история должна быть написана.

Мистер Икс оставался недостижимым образом — но Знаки прошивали настоящее яркими вспышками.

Он стал искрой, которая разожгла внутренний огонь. В пепле мертвой тишины родился голос — который больше не хотел молчать.

НАЧАЛО

Пять лет эта книга вызревала внутри. Путь через техногенную пустоту и свалку битых фактов собственной памяти. Казалось, сама Вселенная пыталась скрыть это от человеческих глаз. Текст переписывался десятки раз. Пространство сопротивлялось публикации. Слой за слоем Мара соскребала с себя старую кожу, пытаясь вбить невыразимое в буквы.

Сознание сковывал морок. Он парализовывал волю, когда страх перед собственной честностью становился невыносимым. Жизнь устраивала проверку на вшивость, заставляя сомневаться в реальности самого пути.

Ей не нужна дешевая слава. Деньги не были главной ставкой. Движущей силой стало одно болезненное желание: чтобы хоть один человек, чей мир рушится на полной скорости, увидел её маршрут и нажал на тормоза.

Она чувствовала — эта книга проведет черту, за которой «вчера» окончательно станет пеплом. Но текст жил по своим законам. Он не шел через силу. Он требовал, чтобы его выносили, как ребенка — до срока, до первой осознанной боли, до момента, когда молчание становится физически невыносимым.

Момент истины настал. Она справилась. Просто потому,

что смертельно устала убегать. В этот раз Мара осталась на месте.

29 марта 2025 года. Хмурое воскресенье. Мара делает глоток кофе, вслушиваясь в тишину между каплями дождя. Она сидит на кухне, обхватив ладонями старую чашку — мамин подарок. Матери нет уже десять лет. Пустота на том месте, где раньше было тепло, до сих пор фонит на низких частотах, заставляя пространство вокруг сжиматься от озноба.

Зазеркальный туман сгустился, когда реальность треснула. Сознание, привыкшее к борьбе за выживание, выдало предельную перегрузку и рухнуло в неизвестность. Ей было тридцать три года — сакральный возраст. Время обнулиться и воскреснуть.

Смерть матери сорвала последний предохранитель. Прятаться больше негде. Притворяться маленькой — некому. Осталась только она, её дети и мир, который больше невозможно использовать как внешнее укрытие. Нужно было либо стать хозяйкой собственного астрального пространства, либо исчезнуть в его белом шуме.

Она вошла в этот мир в восьмидесятых. С первых секунд все пошло не по классике. Рождение превратилось в затяжную битву за выживание, заставляя мир замереть.

Если бы не профессионализм врачей и чудо, история закончилась бы, так и не начавшись. Ее астральное тело готово было раствориться, едва коснувшись воздуха. Выжила. Вопреки всем прогнозам. Это был её первый вызов земной

плотности.

В три года мир раскололся — развод родителей. С четырех до семи лет Мара росла в диком ритме природы. Лес, река, запах ягод, скалы. Отец учил её считывать сигналы земли и чувствовать пульс почвы под босыми ногами. Там, в первобытной тишине, она впервые научилась различать тонкие нити, связывающие живое с неживым.

Маленькая, хрупкая, кудрявая — её постоянно принимали за мальчика. Это злило, хотя внутри она действительно росла жесткой, упрямой и резкой. Храбрая, упорная, она штурмовала скалы, караулила летучих мышей в заброшенных домах и замороженно наблюдала за змеями лазая по скалам.

По вечерам Мара растворялась в музыке, абстрагируясь от внешнего мира. Пока другие просто двигались, она вытесняла мелодией фоновый шум в сознании. В шесть лет она еще не знала слова «код», но уже чувствовала: когда тело подчиняется ритму, системные ошибки перестают терзать разум.

Музыка, природа и жажда настоящего — её базовые настройки. Чтобы понять, кто ты есть, достаточно вспомнить себя до первой большой боли.

В их доме всё было «не как у людей». Мара с детства помнит бритые затылки и людей в погонах — мамыны «нужные контакты». Жизнь семьи подчинялась законам хаоса и экстремальных рисков.

Пространство содрогалось. Постоянная тревога завтраш-

него дня была частью интерьера. Взрослые вели свои, непонятные игры, пересчитывая ресурсы и замирая под мамин крик при каждой недостатке. Система с детства приучала её к запаху риска и чужих секретов.

Мара не боялась опасных игрушек. Вместо кукол — тяжёлый холодный металл и россыпь латуни, гремящей в ладонях. Она надевала массивную кожаную кобуру. Та пахла взрослой, запретной силой. Ей нравилось щелкать механизмом, чувствуя причастность к тайному миру.

Пока другие девочки пеленали пупсов, Мара взаимодействовала с железом, которое не прощает ошибок.

Она понимала: её мать была сильнее мужчин в кожаных куртках. Жила на острие ножа, выживала в хаосе и неизменно оставалась на каблуках.

Дом жил на контрастах. Смех и хрустальный звон бокалов сменялись яростными криками и звуком посуды, разлетающейся о стены. Мара усвоила урок: расслабляться нельзя. Сегодня — праздник, завтра — истерика, послезавтра — тишина, от которой звенит в ушах.

Она росла между полюсами: роскошь и страх, обожание и ледяной холод.

Иногда Мара видела мать на рассвете: смотрящую в абсолютную пустоту. Это не вызывало жалости — просто земная оболочка не выдерживала нагрузки Изнанки. Но уже через час — алые губы, золото в ушах и безупречная деловая улыбка.

Никто не должен был видеть слабость. Никто не должен был взломать этот фасад. Мать была виртуозом маскировки — и Мара училась у неё главному: как имитировать исправность, когда внутренний мир рассыпается на осколки.

Это детство в стерильной зоне. Запах дорогого парфюма смешивался с ароматом застарелой тревоги. Мать растворялась в работе и мужчинах, а Мара — в своих фантазиях. Шумы извне уже тогда начинали заполнять комнаты — вытесняя живой звук.

Она росла ребенком, которого проще откупить, чем почувствовать. Деньги как универсальный антисептик для совести. Есть ресурс — значит, всё в порядке. Так работала семейная математика, где за внешней стабильностью скрывался критический износ земного каркаса.

Ей казалось: мама живет в другом измерении — там красиво, опасно и больно. Мара знала: рано или поздно она пойдет по этой же дороге. Только значительно дальше. Её врожденный радар уже тогда фиксировал это искажение пространства.

Мать приезжала редко. Визиты сопровождалась горой подарков и застольями. Но Мара чувствовала: всё это — не про неё. Шумные компании вызывали лишь глухое отвращение. Её не было рядом — мелькала физически, но эмоционально отсутствовала, не играла, не спрашивала, как прошел день, не интересовалась миром дочери.

Зато у Мары — всё лучшее. Одежда с витрин, меха, бле-

стящая упаковка пустоты. Росла в мире, где балуют до бессилия. Окружена заботой, но абсолютно одинока. Ничего не требовали. Просто давали. Всё, что угодно — лишь бы не мешала и не путалась под ногами.

Материнская любовь выражалась формулой: «На, возьми, только не мешай». С детства Маре транслировали жесткие паттерны: учиться не чувствовать, не быть неудобной, не быть живой. Плач заглушался куклой, злость — подарком. С каждым подношением Мара становилась тише. Скрытнее. Словно постепенно стирала саму себя из этой земной геометрии.

Но она оставалась доброй и щедрой. Кормила весь двор сладостями, раздавала одежду подругам. Это не была игра — это была наследственная натура.

Ведь её мать делала всё для всех. Её доброта в городе была легендарной. Помогала любому чужаку, но дома срывалась. Измотанная, вечно недовольная, кипела на ровном месте, как чайник на грани взрыва. Только теперь Мара понимает: это была не злость. Это была густая, застарелая усталость и перегрузка, добравшаяся до самых костей.

Деньги не сделали мать счастливой. Только добавили хаоса и обеспечили роскошное душевное одиночество.

Это случилось на первых этапах. Лето в лесу пахло хвоей и перезрелой малиной. Солнце казалось вечным — пока его не заслонил мрак. Нарушил границы. Оказался ближе, чем позволяет безопасность.

Свершил несанкционированный доступ к тому, что должно было оставаться неприкосновенным. Горячее дыхание. Слова — липкие и грязные, как мазут. Требовал того, для чего еще нет названий. Угрожал — что будет хуже, если Мара откроет рот. И тут же обещал: если промолчать — этот морок Зазеркалья не повторится.

Мара промолчала. Тогда страх был острым, как осколок стекла в пятке. Ужас стал телесным, а унижение — безымянным. Со временем детали стерлись — но стыд не ушел. Он поселился в костях, став белым шумом подсознания. Тенью, которая росла вместе с ней, выжидая своего часа.

Странности начались рано. Мара видела то, что взрослые списывали на воображение. По силуэтам в дверных проемах и теням на стенах оживали Безумные сущности. Она кожей чувствовала присутствие: кто-то невидимый стоял за спиной — фиксируя её пульс или тяжело дыша в затылок.

Это был её Дар — Изнанка мира, которая транслировала сигнал.

Позже тело сковали зазеркальные тиски и удушья. Видения — сбывающиеся с пугающей точностью. Выходы духа из тела сквозь замочную скважину пространства — предвестники и знаки. Это не было книжной романтикой — это напоминало затяжную войну, где ее сознание пыталось взломать настройки матрицы.

В квартире детства жили своей жизнью выключатели, падали вещи, слышались шаги в пустых коридорах. Мара счи-

тала это галлюцинациями — пока взрослая сестра не произнесла: «Я тоже это видела». Пазл сложился. Это была не болезнь. Это была наследственная архитектура.

В семье шепотом передавали истории о «даре по женской линии». Прабабушка лечила травами — мать гадала на картах и видела людей насквозь, обладала стальной интуицией.

Однажды этот чистый полевой сигнал спас им жизнь.

Чемоданы собраны, билеты куплены, вылет завтра. Но вечером мать обрубил планы: «Мы не летим».

На следующий день самолет, в котором они должны были находиться, превратился в груды пикселей на телеэкранах. Новостные сводки подтвердили: выживших нет. Мара смотрела на мать и понимала: это не просто интуиция. Это работа системы.

Дар был повсюду — он пропитывал стены дома, гудел в проводах и отражался в зеркалах. Он не приносил покоя — требовал внимания, заставляя Мару постоянно быть начеку.

Рано поняла: чтобы выжить и не допустить безумия от этого бесконечного потока Изнанки — нужно научиться имитировать нормальность.

Она строила свой фасад — прятала генетический каркас за учебой, друзьями и обычной подростковой суетой. Но внутри — в самом центре ядра — продолжал нарастать шум. Он требовал выхода, искал способ прорваться сквозь бетон повседневности.

Мара еще не знала — что скоро она сама найдет кнопку,

которая остановит шум. Но цена за эту паузу будет выше, чем она могла себе представить.

Наступил период паузы от паранормальных явлений. Тот самый подростковый сбой, когда мир сузился до жесткого выживания в бетонных джунглях.

Врожденный сигнал был подавлен агрессивной средой и белым шумом. Мистика на время отступила, вытесненная примитивными законами материального мира — чтобы спустя двадцать лет вернуться с новой, сокрушительной силой.

Изнанка не вернулась пугливой фантазией или бредом. Она проявилась как параллельная реальность, к которой Мара подошла вплотную уже взрослой.

Теперь, стоя на пороге с пробужденным наследственным Даром, она пыталась понять: где проходит та вибрирующая линия? Где заканчивается эхо детской травмы — а где открывается тот самый сакральный код, переданный ей вместе с цветом глаз и сильным характером.

Это не было похоже на киношное «прозрение». Это напоминало возвращение в дом, покинутый много циклов назад: те же тени в углах, тот же сквозняк из ниоткуда.

Но теперь в руках зажат фонарь — и Мара готова смотреть им прямо в лицо. Она больше не бежала. Она начала наблюдать.

Когда пришло время школы — лес закончился. Мать забрала её в город, но сама в нём не задерживалась — бесконечные разъезды продолжались. Девочку передавали из рук

в руки, оставляли у соседей, случайных подруг или там, где придется.

Мир правил и удушающего единообразия требовал беспрекословного подчинения, неподвижности и молчания. Приказ быть как все — главный закон. Ей, привыкшей к свободе, этот плоский материальный конвейер казался физически токсичным.

Во втором классе случился первый публичный надлом. Её подстригли коротко — чтобы не возиться с волосами. Мара наотрез отказалась снимать в классе шапку: детский стыд жег кожу. Учительница заставила. Класс взорвался хохотом. С этого момента школа превратилась в зону боевых действий.

Мальчишки зажимали в углах — обзывали. У доски она каменела. Двойки множились — но внутри царила пустота. Ей было всё равно: социум оказался враждебной планетой, а взрослые уныло транслировали одну пугалку: без учебы человек превращается в ничто.

Потом плотина рухнула, и всё полетело вниз. Дома помощи ждать не от кого. Проверка уроков часто заканчивалась вспышкой материнской агрессии и криком «тупица». Через час это сменялось пугающим спокойствием или подарком — будто ничего не произошло. Мара училась жить в условиях нестабильного, качающегося мира.

Мать сама была беженкой из пустоты. В шестнадцать она рванула из деревни, спасаясь от деспотичной матери, где ре-

мень оставался единственным проявлением «внимания». Ни опоры, ни ласки — только ледяная нищета и инстинкт выживания. Она выстроила свою империю с нуля, таща на себе всё и всех.

Отец Мары — тихий врач — никогда не был «каменной стеной». Он сам нуждался в опоре, предпочитая не отвечать на удары судьбы. Мать превратилась в танк. Её суперсилой была коммуникация: она могла договориться с дьяволом. Делала невозможное, но за это величие платили её дети — холодными вечерами и материнским «не до тебя».

Мара видела этот фасад всемогущества, за которым пряталась маленькая девочка. Пустота внутри матери эхом отзывалась внутри Мары. Их общее, передавшееся по наследству одиночество фонило сквозь Изнанку.

Она рано усвоила закон бетонных джунглей: не обязательно быть сильной, достаточно казаться безумной. Физически она всегда оставалась хрупкой, почти прозрачной — легкая мишень.

Но внутри оживал автономный режим, способный за секунду превратить испуганного ребенка в хладнокровного ликвидатора.

Это началось в школе. Когда её пытались прижать в коридоре, внутри всё превращалось в ледяное крошево. Страх парализовал. Она понимала: если дойдет до ударов — её раздавят. Но именно в этот момент она надевала непроницаемую маску. Взгляд становился пустым, голос — стальным.

Транслировала одну мысль: «Плевать на финал. Ответный удар будет сокрушительным». Наигранная уверенность работала как бронезилет противник видел не жертву, а камикадзе в режиме уничтожения, и инстинктивно отступал. Блеф стал её религией.

ВКУС ПУСТОТЫ

Она жила, не выбирая маршрутов, пока в её жизнь не во-
рвалась первая любовь.

Он был на два года старше. Высокий, кареглазый, класси-
ческий «плохой парень». Мара смотрела на него с наивным
обожанием, которое выжигает внутренности. Эта любовь —
отчаянное желание заслужить право быть нужной.

В это время декорации её семьи окончательно рухнули.
Отец — в области, сестра — в замужестве. Мать купила
квартиру на том же этаже и переехала туда с новым мужчи-
ной, снова спасая всех, кроме себя и дочери.

Осталась одна в пустой квартире. В этой звенящей тиши-
не родилось понимание: «Всё. Я взрослая». Ей требовалась
забота — а вокруг была только статика. И она нашла того,
кто был так же пуст и несчастен. Они слились — как две дыр-
ки от бублика — вроде вместе, но внутри всё равно сквозняк.

Тот вечер казался обманчиво спокойным. Они прятались
от мира — пытаясь склеить из мыслей общее «завтра». Мир-
ный гул голосов, музыка фоном, обычная имитация семей-
ного уюта. Но реальность уже приготовила свой финальный
аккорд.

Звонок в дверь разрезал тишину — как скальпель. На по-
роге возникла Тень и вместе с ней проник зазеркальный мо-

рок. Без нее заперлись на кухне — так уединяются для чего-то опасного.

Любопытство — вирус замедленного действия. Особенно когда звучит пренебрежительное: «Слишком неподходящий возраст для столь серьезных вещей». Эта фраза выжгла самолюбие. Она вошла. Разворачивалось Безумное чаепитие. Царило странное молчание. Лица, стертые ожиданием.

В этом мире мораль оказалась лишним ресурсом. Первый контакт. Вспышка — и падение в бесконечную бездну Изнанки. Критический излом реальности.

Когда расплавленные стены перестали дышать и сознание вернулось, внутри пульсировало ясное понимание. Мара нашла свою точку сборки. Никто не готовил её к этому сценарию.

Проводником в Изнанку стал такой же потерянный безумец, а свидетелем — белый шум, окутывающий комнату.

С деньгами проблем не возникало — и в этом кроилась зловещая ошибка. В маминой тумбочке всегда лежали стопки купюр — чей хруст заменял колыбельную. Никто не спрашивал «зачем». Слово «нельзя» мутировало в удобное «возьми и отвяжись».

Она растворялась в этой искусственной проекции, медленно убивая в себе всё живое.

Так начиналась «взрослая» жизнь девочки, которой никто не выдал инструкций. Жить в материальном мире становилось мучительно. Сознание привыкло к зазеркальному

ритму. Постепенно в их быт вползли новые ритуалы. То, что раньше вызывало ужас — стало привычным и обыденным. Мара строила замок на песке, пропитанном белым шумом.

Их совместное погружение длилось цикл. Бездна внутри требовала больше места. Тьма разрасталась — нервы превращались в оголенные струны Изнанки.

Мара столкнулась с его личным адом. Плакал — искренне, по-детски — захлебываясь бессилием перед удушающим мороком. Он хотел выбраться, но глубина падения превратила спасение в попытку склеить разбитое зеркало. Внешняя коррекция, лишь снимала остроту, оставляя выжженную личность один на один с пустотой. Белые халаты заперли его в палате.

Она продолжала параллельную игру. Школа — те же маршруты, темные углы.

Но тектонические плиты внутри нее уже сдвинулись. Образ «любимого парня» растворялся в белом шуме. Авансцена освобождалась для истинного хозяина реальности.

На первый план вышел хмурый Хозяин Изнанки, который не требует слов и не плачет от бессилия. Единственный, кто обещал быть рядом до самого конца — и, в отличие от людей, никогда не нарушал условий сделки. Он стал её абсолют.

Однажды вечером иллюзия рассыпалась. Земная оболочка выдала критический надлом. Мысли превратились в стаю крыс, мечущихся в черепе. Пришло ледяное прозрение. Она

попала в капкан.

Там воздух был густым от чужого отчаяния. Её пытались отговаривать — не из милосердия, а из страха перед маминскими связями. Но Мара не слушала. Она требовала. Граница, и без того прозрачная, стерлась окончательно.

Все, что было «до» — оказалось затянувшейся прелюдией. Теперь игра пошла по-взрослому. Резкая вспышка. Ткань материальной реальности выжжена дотла. Мир гас. Сознание выключалась щелчком зазеркального тумблера.

Мысли растворялись в вязкой тишине. Вакуум. Полная блокировка земных рецепторов и необходимости чувствовать. Она исчезала — распадаясь на осколки искусственного забвения.

А потом неизбежно наступал спад. Первой возвращалась Тревога. За ней — глухое раздражение на весь живой мир. И, наконец, тоска. Не по людям — не по родителям. Тоска по Изнанке. Реальность становилась невыносимо серой — липкой от вечных «надо» и «должна». Чем чаще она исчезала «там» — тем меньше её оставалось «здесь».

Эксперимент стал жестким. Появилась своя логистика, чужие лица.

Износ аватара рос. Мгновение иллюзии сокращалось до жалких минут, а промежутки превращались в концентрированный ад. Спустя некоторое время это уже не напоминало бунт. Это был тотальный износ — серое, холодное, лишенное романтики время. Замкнутый круг, из которого не было

выхода.

Персональный ад. Он не врывается с грохотом — он просачивается. Сначала легким холодом под кожей, тревожным эхом в основании черепа, и стремительно превращается в ураган чистого отчаяния.

Сначала Мара просто чувствовала усталость. Но это было фальшивое затишье. Пустота внутри росла — мышцы и суставы в конечностях тянуло и выворачивало невидимой лебедкой. Это лишь прелюдия. Через несколько часов без привычного состояния тело становилось чужим и враждебным.

Кости ныли так, будто их пересобрали в обратном порядке. Невозможно зафиксировать в одной точке. Любое положение — новая грань боли и отчаяния. Просыпался слепой гнев, пытающийся взломать физическую оболочку изнутри.

В голове — сплошной гул. Пульс в висках отбивал ритм критического излома. Тело покрывалось лихорадочным оцепенением — одновременно жарко и до предела холодно.

Жуткий откат растягивает восприятие в разные направления. Каждая точка кажется перегруженной и готовой лопнуть. Прострелы в позвоночнике электрическими разрядами бьют в кончики пальцев. Все превращается в сплошной спазм.

Каждый сантиметр оболочки — одна большая стонущая рана. Каждый нерв оголен, как провод под напряжением.

Взгляд Мары остается ледяным: она хладнокровно документирует разрушение собственного материального кокона.

На следующие сутки наступает точка абсолютного отчаяния. Голова превращается в радиоприемник, настроенный на одну частоту — непрерывный гудящий статический треск. Сознание играет злые шутки: кажется, что вся привычная архитектура рушится, а реальность вокруг начинает физически разлагаться.

Но если выдержать, начинается медленное восхождение.

У этого ада есть горизонт, главное — дожить. И всё же, как только память о прошлой боли стучится в дверь, вскипает дикая паника. Личность расщепляется: одна часть кричит от ужаса и пытается выжить, другая — вкрадчиво убеждает, что выхода нет и нужно немедленно прекратить эти мучения.

Мысли становятся навязчивым кошмаром — как обмануть эту ловушку? Что отдать за минуту тишины? Внутренний кризис фиксирует необратимое падение жизненных сил. Логика полностью парализована страхом окончательного излома.

Всё важное — прежние смыслы, память, теплые воспоминания — выцветает и превращается в пыль. Остается только глухой вакуум в сознании, который намертво блокирует волю и разум.

И когда морок запускает закон тотального распада, в первую очередь под удар попадают внутренние барьеры аватара.

Мара не собиралась нарушать чужие границы и брать то,

что ей не принадлежало. В её семье не было ни нужды, ни жадности. С первых шагов ей вдалбливали правило: чужое брать нельзя, и она с этим полностью была согласна. Но глубина бездны Изнанки установила свои алгоритмы.

И этот новый, жестокий код отменил все прошлые внутренние табу.

Белый шум — великий тактик. Он размывает границы морали медленно, но неотвратно.

Сначала рождаются удобные оправдания, а затем они превращаются в автоматические действия.

Крах случился в школе. Когда из гардероба пропала дорогая вещь, Мару вызвали на ковер. В кабинете, пахнущем старой бумагой, сидел системный надзиратель. Его взгляд был брезгливым.

Следы распада на её оболочке были красноречивее любых алиби.

Её отвезли в отделение. Запах сырости, облупленные серые стены, ледяная жесткость казенной скамьи. Но страха не было — внутри жила циничная уверенность: «Мать всё уладит». Так и вышло. Через пару часов он притащил её домой, как побитую собаку.

Слухи, от которых мать отмахивалась месяцами, обрели плоть. Она увидела всё своими глазами.

Мара говорила правду про критический износ своего аватара, про липкий морок Изнанки, про бездну, которая каждое утро смотрит на нее.

Выбора не осталось. Пленение, белый халат с тяжелым взглядом.

Это был первый шаг. Еще не к свободе — до неё были годы плена, но к первому хрупкому шансу на возвращение к истинному свету.

"Чтобы переродиться, сознание должно добровольно шагнуть в изначальную тьму и раствориться в ней"

Амара

ВЯЗКИ И ТЕНИ

Её привязали. Руки, ноги — жесткая фиксация. Пока идет системный сбой, аватар переводится в статус биологической угрозы. Задача протокола — не дать объекту разнести в щепки ни себя, ни персонал.

Мару накрыло волной дистиллированной ненависти. К матери, которая сдала её сюда. К белым халатам с их холодными глазами. К самой себе. К миру, где синхронизация с нормой — единственная валюта за восстановление сигнала.

Оболочка под ремнями горела. Воздуха не хватало — боль внутри раздувалась до размеров сверхновой.

Аватар перестал ей принадлежать. Он стал оккупированной территорией, где критические помехи разрывали структуру. Крик не приносил облегчения — звук зацикливался, рикошета от кафельных стен пустой издевкой.

Принудительный впрыск усыпляющего эликсира. Внешний импульс. Давление, от которого темнеет в глазах — система уходила в аварийную перезагрузку.

Безликие люди работали механически. Чужие руки блокировали любые движения, определяя её как «сложный случай». Холодный приказ оставаться неподвижной повис в воздухе.

Им не снится этот шум. У них не плавают нервы. Им

неведомо звериное желание — любой ценой остановить эту лавину распада.

В систему ввели подавляющий протокол, и стены поплыли, превращаясь в бледные пятна. Стало не легче — просто тише. Аватар принудительно отключили от питания, оставив разум в темном тамбуре.

В этом вязком полузабытье, Мара приняла решение: «Всё. Хватит». Оно было настоящим, но бессильным, как молитва в заброшенном храме.

Ночью в палату просочился болезненный свет. Сквозняк из другого мира. Тень села слишком близко — так садятся те, кто чувствует безнаказанность. Чужеродный ритм дыхания, запах антисептика. Мара пыталась оттолкнуть гостя, но её конечности были ватной субстанцией, пришитой к матрасу, пришитой к матрасу. Несанкционированный доступ — чужая ладонь накрыла рот, обрывая связь с реальностью.

Через несколько дней она вышла в коридор, шатаясь, как после авиакатастрофы. И увидела его.

Медбрат. Обычное лицо, форма, отутюженная до хруста. Когда он прошел мимо, ночной кошмар обрел плоть. Это был не сон. Едва заметно улыбнулся. В этом взгляде было торжество силы над тем, кого система считает «биомусором». У неё не было ничего: ни улик, ни сил. Только ледяная ярость внутри.

Мара промолчала. В мире, где ремни впиваются в обшивку, вера — роскошь. Правда не имела веса.

Системные влияния сменились процедурами. Долгие часы неподвижности — тупым гулом в висках. Надежда была прозрачной и хрупкой, как тонкий лёд.

Вечерами коридор взрывался криками. Привозили свежее «мясо». Снова скрип кожи под ремнями, визг, переходящий в хрип сломанного динамика. Через несколько дней одного из них стабилизировали. Он бродил по коридору и сосредоточенно собирал в ладошку воображаемые точки с линолеума. Искал то, что осталось в другой реальности. Ему было хуже. Намного. Глядя на него, Мара видела свое зеркальное отражение, разбитое на тысячи частиц.

Цикл подошел к концу. Врач чеканил слова уверенно, как торговый представитель:

— Теперь всё. Можно начинать новую жизнь.

Мара знала то, чего не знал человек в накрахмаленном халате: белый шум — великий тактик. Он не бьется в истерику. Он умеет ждать. Он затаился в районе солнечного сплетения, терпеливо наблюдая за её первым шагом за ворота. Стоит в темном тамбуре сознания, прислонившись к стенке, и просто молчит. Пока.

Мара вышла на улицу, и мир обрушился на неё невыносимой, агрессивной яркостью. Всё казалось слишком громким, слишком резким.

Дома ждали стерильный уют, мамины надежды и звенящая пустота. Раньше каждая минута была заполнена поиском ресурса. Теперь — вакуум.

Первый вечер дома пах едой и хлоркой. Квартиру отдраили до блеска, наивно пытаясь вытравить саму память. Мара сидела на кровати и чувствовала себя инопланетянкой, заброшенной на мирную, тошнотворно скучную планету.

ВАТНОЕ ЦАРСТВО

Спустя неделю после выписки домашний консилиум принял решение: эвакуация. Новый город, чистый лист. Врачи кивали: смена декораций сорвет старые якоря. В придачу к билету выдали горькое зелье. Сознание затянуло плотным туманом. Тревога испарилась, но вместе с ней исчезла сама Мара. Мысли работали как древний компьютер: загрузка через силу, зависание на простейших операциях.

Мир укутали в звукоизолирующую вату, превратив реальность в кисельную трясиину.

Родители стали надзирателями. Синхронизация — по часам, контроль — тотальный. Снаружи — идеальная апатия, внутри — гулкая пустота. Суть Мары была размазана. Белые халаты называли это укрощением. На деле — попытка выключить звук у сломанного радио.

Но истинная цель не глушилась. Всё внутри продолжало вращаться вокруг одной оси: взлом доступа.

Связи обрублены, контроль жесткий, но у неё оставался главный козырь — материнское чувство вины. Густое, застарелое чувство за недоданное детство, за разезды и сам факт системного сбоя.

Мара чувствовала эти кнопки кончиками пальцев. Она стала гениальным манипулятором. Мать верила, потому что

отчаянно хотела верить. Быть обманутой было менее больно, чем признать: дочь превратилась в расчетливого игрока.

— Мам, невыносимо скучно... — интонация выверена до миллиметра. По сценарию.

— Можно друг зайдет? Просто поболтаем.

— Опять из «этих»? — в голосе матери надежда пополам со страхом.

— Нет, мам. Новая жизнь. Обещаю.

Того парня, её первую любовь, уже «предупредили» — жестко, переломав все перспективы. Он исчез с радаров навсегда. Конец сцены.

Друг. Перспективный спортсмен. Он, только пробовал тьму на вкус, заигрывая с опасностью. И был безнадежно влюблен в Мару. Один звонок — и механизм запущен.

— Привет. Скучно. Заходи.

Он пришел. Мара не тратила время на беседы — в её мире время измерялось интервалами между импульсами.

— Завтра улетаю. Полет долгий. Мне нужна помощь.

Он кивнул. В этом жесте не было сочувствия, только тупое соучастие. Когда Мара провожала его до двери, она сделала это: буднично изъяла ресурсы из кармана матери и вложила в его ладонь. В её системе координат это было не воровство, а естественный налог на выживание. Она взимала его с этой благополучной реальности за право оставаться в тени.

Утро прошло в лихорадочном ожидании. Он не появился ни на рассвете, ни к обеду. Тревога начала прогрызать дыру

в желудке. Такси. Аэропорт. Гул терминала. Зона ожидания. Громкая связь разрезала воздух:

— Пассажирка такая-то, пройдите в зону досмотра.

Сердце забилося о ребра. Отец замер в недоумении, вглядываясь в её лицо взглядом-сканером. Мара пошла к стойке, чувствуя, как слабеют колени, но удерживая стерильную маску. Там её ждал ОН. Короткий взгляд. Едва заметное движение рук — фокусник позавидовал бы этой ловкости.

Она вернулась к отцу сияющая. Голос — фальшивый колокольчик: «Просто перепроверили документы, пап». В кабинке туалета Мара на мгновение закрыла глаза, позволяя мороку снова занять свое место. Она понимала: за месяц в госпитале организм обнулится. Нужно быть осторожной. Тонкая грань между входом в резонанс и системным отказом.

Через несколько минут её накрыл знакомый вязкий туман. Аэропорт стал лишь декорацией.

Объявили посадку. В самолете реальность начала мстить. Организм устроил гражданскую войну. Мара смотрела в иллюминатор на облака и понимала: она летит в «новую жизнь», захватив с собой старую смерть в кармане джинсов.

Когда белый шум испарился, хлынула Пустота — глухая, вакуумная, абсолютная. Стало ясно: старые настройки стерты. Придется принимать этот новый, чужой сценарий жизни. Она сопротивлялась каждой клеткой, но ловушка захлопнулась. Обратной дороги в «иллюзорный режим» не было.

Мара разделась перед зеркалом. Отражение пугало: несколько килограммов костей и бледного пергамента. Чертеж законченной катастрофы.

В глазах сестры застыл липкий, парализующий ужас. Звучал испуганный шепот о том, что перед ней стоит не человек, а истощенный призрак.

После нескольких лет жизни в Изнанке — где время и материя подчинялись законам белого шума — организм начал жадно заполнять израсходованные ресурсы. Каждая клетка требовала своего — восстанавливала сожженный потенциал.

Мара видела, как меняется отражение. Лицо округлялось, обретая человеческие черты, а взгляд терял ту самую прозрачность, которая так отталкивала окружающих.

Её пугала эта новая оболочка. Она казалась фальшивой, навязанной системой прошивкой. Свежий интерфейс постепенно стирал прежнюю Мару, чья ледяная чистота была ей гораздо ближе.

Режим мимикрии работал на полную мощность: Мара улыбалась, успешно играя роль исправленной версии.

Цвет оболочки изменился за одну ночь. Мир остался прежним, но кожа Мары окрасилась ядовитой желтизной. Произошел критический выброс накопленной токсичности. Белки глаз заполнила плотная лимонная тень — индикатор того, что аватар не справился с перегрузкой. Стал чужим, цитрусовым объектом.

Диагноз прозвучал как приговор к социальной изоляции.

Статус биологического изгоя. Мара оказалась в инфекционном лазарете нового города.

В палате соседка — наглядное пособие по анатомии распада. Худая до прозрачности, с хребтом, выпирающим как забор заброшенного кладбища.

Метки критического износа по всему телу, гнилые остатки зубов, плешь волос и общительность обреченного.

— Несколько суток без сна и тормозов, пожимала она острыми плечами. — Беспорядочные связи аватара.

Мара смотрела на неё с брезгливым ужасом. Слишком грязно, слишком «по-собачьи». Она не осуждала — знала, что каждый выбирает свой калибр для дезертирства из реальности.

Вечером, когда персонал разошелся, вышла в коридор. Облезлый, как в дешевом хорроре. И вдруг — резкий, чужеродный запах, переворачивающий сознание. Она пошла на него, как ищейка. В мужском секторе двое обитателей Изнанки завершали синхронизацию с белым шумом.

Днем система имитировала лечение. Вечером — периферия автоматически возвращалась к заводским настройкам распада.

Местный вкус был грязным. Именно эта тяжесть окончательно раздавила остатки воли, в очередной раз захватив командный пункт её системы.

Прошел цикл. Её выписали. Больничные тени стерлись.

СИГНАЛ ИЗ ТЕМНОТЫ

Рядом притормозил черный джип. Из окна улыбался мужчина — ухоженный, пахнущий приятным ароматом. Тот факт, что новый город не имел старых связей, давал иллюзию безопасности и Мара позволила себе расслабиться. Жизнь была пресной. Требовались приключения.

— Вы не местная. — Он сбавил скорость, поравнявшись с ней.

— Раньше я вас здесь не видел.

— Приехала пожить у океана. Временно.

— Уже видели город?

— Дальше этого района еще не выбиралась.

— Позвольте стать вашим гидом. Покажу места — где этот город по-настоящему красив. Что скажете?

— С удовольствием.

— До встречи вечером.

Она улыбнулась своей самой взрослой — отстраненной улыбкой. Инстинкт самосохранения ушел в бессрочный отпуск. Система безопасности дала сбой.

Вечером город переливался огнями — внизу шумел невидимый океан. Всё казалось декорацией к голливудскому фильму. Спокойно. Красиво. Ничто не предвещало беды. Уже в машине он буднично обронил:

— Заедем по адресу? Короткое дело, а потом — курс в сторону дома.

Выехали за пределы города, туда, где тени становились гуще. Он вышел на пару минут, а когда вернулся, посмотрел в упор.

— Как относишься к системным девиациям?

Воздух в салоне стал плотным. Мара знала только природные протоколы, остальное оставалось за гранью её интерфейса. Этот город был другим — здесь всё дышало иначе.

— Что это? — спросила она. Без страха. С тем наивным любопытством, которое всегда предшествует новому системному сбою.

Он усмехнулся. Легко. Слишком легко для того, кто достал пропуск в ад.

— Ничего особенного.

Машина замерла у берега океана. Ночь была плотной — беззвездной и тяжелой. Черная вода и глухой ритм волн — дыхание огромного, равнодушного зверя.

В салоне запахло чужой, подавляющей силой. Он инициировал соединение — и буднично протянул ей доступ.

Реальность треснула. Кто-то резко оборвал питание. Цвета выгорели, звуки перешли в глухой регистр. Сердце начало бить в рёбра так, будто пыталось вырваться из клетки.

— Что за... — голос не слушался. Воздух стал свинцовым — его катастрофически не хватало. Разум был заблокирован оцепенением.

Паника поднялась по позвоночнику ледяной волной. Включился первобытный инстинкт: замереть или бежать. Вокруг — полное одиночество, ночь, дикий берег и абсолютная потеря контроля. Главное — выжить.

Он спросил, всё ли в порядке. Его голос звучал искажённо, как через слой мутной воды.

Она кивнула. Солгала. Его спокойная, хищная улыбка ей совсем не понравилась.

— Расслабься — бросил он.

Вышел — открыл её дверь и взял за руку. Не мягко, а как берут предмет, который необходимо переместить.

В этот момент декорации «красивой жизни» окончательно осыпались прахом. Мара заплакала — сразу — по-настоящему.

— Пожалуйста... Я хочу домой. Отвези меня домой. Мне страшно.

Он смотрел на неё без злости. С тем же спокойствием, с которым смотрят на дорожную разметку.

— Давай без истерик. Так будет проще. Условия просты: либо полное подчинение, либо эвакуация прямо здесь. И найдутся хищники пострашнее — уверяю.

Тело Мары стало чужим. Выключенным. Разум отступил в безопасную зону — включив режим «присутствия»: находится, но не участвовать.

Океан шумел безразлично — мир не собирался её спасти.

Когда всё закончилось — внутри не осталось ни криков, ни слез. Только выжженная пустота. Он что-то говорил — ненужные слова.

Дорога домой тянулась бесконечно. Мара смотрела на асфальт и находилась в глухом, вакуумном ступоре. Её сознание намертво заклинило на одной мысли: это происходит не со мной. Психика упрямо выстраивала стену отрицания, отказываясь впускать случившееся в реальность. Не было злости, не было страха — только ледяное оцепенение. Разум просто замер, защищаясь от невыносимой перегрузки.

Он притормозил у подъезда. Мара вышла молча — не чувствуя собственного существования.

— Я позвоню! — зачем-то бросил он в спину.

Она не обернулась. В голове гудел белый шум. Сейчас Она проснется и тишина снова обретет вес.

В квартире сорвала с себя одежду, как зараженную кожу. В душе, кипятком бил по плечам — но было мало. Нужна была физическая боль — чтобы перебить ледяной разряд в костях. Она терла себя до крови — пытаюсь выскрести берег, океан и запах чужого присутствия.

Грязь не смывалась. Она пропитала насквозь. Словно кожу сняли без наркоза и вытряхнули изнутри всё тепло. Поселилось нечто чужеродное. Гнилое. То — что не берет ни вода, ни крик, ни мыло.

Мару стерли ластиком. Та — что была «до», осталась на том берегу. Теперь была только Звонящая Пустота. Она

страшнее боли. Боль — это симптом жизни.

Пустота — это тихая смерть. Она сидела на дне ванны в позе эмбриона, пока пар заполнял пространство. Раствориться в каплях воды казалось самым логичным способом обнулить этот системный сбой.

Утро принесло стерильную тишину...

«Выход из критической зоны пройден» — подал голос инстинкт из-под завалов. И в этот момент в голове с детонировала мысль... Сухая — как щелчок курка.

Мара оскалилась в жуткой улыбке. На — мразь. Мой тебе подарок. Он думал, что взял под контроль тело и подчинил волю. Но унес с собой не только триумф силы, но и медленный желтый яд. Пришел черед для отката. В этом сошедшем с ума мире сработала древняя механика возмездия.

Родные вернулись. Квартира наполнилась голосами и запахом кофе. Уютный шум стал акустической пыткой. Мара сидела за столом — как диверсант в центре стерильной реальности. Она механически кивала, делала глотки из чашки и чувствовала себя абсолютно чужой. Внутри пульсировал немой вопрос: «Разве вы не видите — что я стерта?». Но лицо хранило маску, а на языке застыл несмываемый вкус стыда.

Она начала бояться их любви. Любовь требует близости — а близость стала физически невыносимой. Слишком грязная. Дефектная. В голове включился ядовитый критик: «Сама виновата. Нельзя портить им благополучную картинку.

Теперь это просто обуза для семьи. Сначала пойдет жалость, а потом — брезгливое вычеркивание из жизни».

Мара выбрала молчание. Будничную улыбку. Только она и персональный ад — запертый под ребрами.

Психика — великий хирург. Когда боль превышает порог — она ампутирует чувства. Со временем ужас просто сменил агрегатное состояние, превратившись в нечто пригодное для повседневной носки. Мозг выкатил циничный сценарий самообмана: «Ну — подумаешь. Это твоя не первая ночь. Не драматизируй. Бывает».

Это была попытка уменьшить масштаб катастрофы до уровня бытового недоразумения. Если наклеить на произошедшее ярлык «бывает» — оно как будто перестает выжигать костный мозг. Урок получен. Вывод запрограммирован: никаких случайных лиц. Никакого доверия. Никогда.

Жила дальше. На глухом — отлаженном автопилоте — с аккуратной лоботомированной памятью. Убеждала мир и зеркало — что всё в порядке.

Только иногда — в моменты абсолютного вакуума — Пустота возвращалась. Она садилась на край сознания и ледяным шепотом напоминала: автопилот не лечит. Это лишь временная заморозка, которая рано или поздно закончится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.